

Litera

Правильная ссылка на статью:

Минасян С.В. Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore» // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71085 EDN: CZCKZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71085

Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore»

Минасян София Витальевна

ORCID: 0000-0002-5169-2161

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, доцент, Институт мировой литературы им. АМ Горького Российской академии наук

344022, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Журавлева, 102/105, оф. 128

✉ suffi@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71085

EDN:

CZCKZX

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Аннотация: Предмет исследования – интерес французской социалистической прессы на рубеже XIX-XX веков к духовно-политической позиции русских писателей (на примере социалистической газеты « L'Aurore » («Заря»)) . Статья посвящена актуальной теме – франко-российским культурным связям на основе анализа присутствия русской литературы и имен русских писателей на страницах массовых изданий. Повышенный интерес к России во Франции возникает в период, когда пресса расширяет сферы влияния, в том числе, и политические. С 1870 г. статьи о России начинают регулярно появляться более, чем в 350 специализированных периодических изданиях, посвященных культуре и литературе. Целью работы является анализ и обобщение смыслового содержания опубликованных текстов в ракурсе определения их следования заданному политическому курсу и идеи ангажированности. Материал подбирался методом направленной выборки, сбора и классификации статей с учетом особо пристального внимания редакторов к таким писателям, как Ф.М. Достоевский, Лев

Толстой, Максим Горький. Методология исследования носит комплексный характер и включает в себя контент-анализ с использованием биографического, историко-культурного и сравнительного метода, определения политической ориентации издания, выявления характеристик авторов публикаций, литературоведческого анализа различных документов, в том числе, произведений, писем, дневников, обращений писателей, позиции которых освещаются на страницах газеты. Особым вкладом автора в исследование темы является экспликация пристального внимания западной прессы, особенно левого толка, к позиции русских писателей, что служило привлечению интереса массового читателя к их произведениям. Однако основной вывод автора заключается в том, что движущим стимулом обращения прессы к именам великих мыслителей являлось утверждение социалистических идеалов и идеи ангажированности писателя, его единения с народом и противостояния власти. Толстой, Достоевский, Горький и др. и их произведения возникали на страницах газеты, чтобы утвердить антимилитаризм и антинационализм, обрушиться на царизм в России и призывать к революционному бунту. Новизна работы определяется скрупулезным отбором соответствующего материала и практическим освоением данной темы, которая до сих пор оставалась вне поля исследований других авторов.

Ключевые слова:

французская периодика, социалистическая пресса, газета Заря, русская литература, рубеж веков, Лев Толстой, Максим Горький, Федор Достоевский, дело Дрейфуса, ангажированность

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01832 «Русская литература в интеллектуальной жизни Франции рубежа XIX-XX веков» : <https://rscf.ru/project/23-28-01832/>

Введение

Рубеж веков является золотым периодом в истории прессы, когда печатные издания остаются единственным средством массовой информации. Если индустриализация прессы начинается еще во времена Второй империи [1,2,3], то цензура отодвигает ее реальное развитие на длительный срок. Лишь 29 июля 1881 г. выходит закон, который отдает власть в руки «газетчиков». Провозглашается свобода печати и распространения. Народные массы, благодаря появлению разовой продажи по пять сантимов за номер, получают доступ к прессе. Пресса выходит на улицы, оседая в киосках и на железнодорожных станциях. С 1880 по 1899 гг. на территории столицы количество печатных изданий вырастает с 900 до 1800, а к 1910 г. достигает 2753 наименований [4].

Становление свободы прессы приходится на время идеологических поисков самого разного направления: от монархо-синдикализма до иудейского анархизма. Столкновение идеологических установок приводит к разделению на газеты левого и правого толка. Политическая принадлежность становится обязательной составляющей печати того времени, будь то литературная, экономическая или социальная газета.

Газета «L'Aurore» придерживалась левых взглядов. Ее основатель – Эрнест Воган (1841-1929) с 1881 по 1888 гг. руководил газетой «L'Intransigeant» («Бескомпромиссность», 1880-1948), которая первоначально боролась за равноправие, но вскоре сменила

идеологический курс в сторону правой прессы и национализма. Неудавшуюся первую попытку Воган воплотит в «L'Aurore». Соратниками Э. Вогана стали Урбэн Гойе (1862-1951), бывший редактор газеты «Le Soleil» («Солнце», 1873-1922), антимилитарист, антисемит и «монархо-социалист»; Жорж Клемансо (1841-1929), республиканец, будущий премьер-министр Франции, выступавший за антиколониальную и антиклерикальную политику страны. Редакторами газеты были Артур Ранк (1831-1908), республиканец, сенатор, франкмасон, и Бернар Лазар (1865-1903), анархист и теоретик либертарианского сионизма. Так что политические взгляды представителей этого издания были весьма разнообразны.

Кульминационным моментом в этом противостоянии левой и правой прессы можно считать освещение событий по делу Дрейфуса. «L'Aurore» навсегда вошла в историю прессы как издание, на страницах которого 13 января 1898 г. был опубликован памфлет Эмиля Золя «Я обвиняю» («J'accuse...!»)^[5] в защиту офицера французской армии Альфреда Дрейфуса, обвиненного в шпионаже. У. Гойе поддерживал Дрейфуса, руководствуясь своими антимилитаристскими взглядами. Для Ж. Клемансо дело Дрейфуса стало, в частности, исследованием положения дел во французской армии. Именно он предложил название для статьи Золя. С 1899 по 1903 гг. было опубликовано около 700 статей по делу Дрейфуса.

Статья Золя не просто засвидетельствовала идеологический раскол, она послужила импульсом для категории образованных людей громко заявить о своем несогласии и занять активное оппозиционное мнение. С этого момента, в обиход входит понятие «интеллектуал», которое имеет яркую социальную направленность. Начиная со следующего выпуска, «L'Aurore» каждый день публикует подписи известных людей (Э. Золя, А. Франс, М. Пруст, Л. Блюм и др.) с требованием пересмотреть дело Дрейфуса^{[6][24]}. Уже 23 января 1898 г. Ж. Клемансо создает тенденцию, используя в своей статье слово «интеллектуал», которое он выделяет курсивом^[7]. Спустя неделю, в газете «Le Journal» («Газета») выйдет ответная реакция придерживающегося националистических взглядов писателя Мориса Барреса (1862-1923): он назовет «этих мнимых интеллектуалов губительными отходами в усилия общества сформировать элиту» («Ces prétendus intellectuels sont un déchet fatal dans l'effort tenté par la société pour créer une élite»^[8, с.1].

Таким образом, с подачи «L'Aurore» в прессе завяжется борьба мнений, главной движущей силой которой станет идея ангажированности. Интеллектуал рубежа веков имеет активную политическую позицию и понимается как «человек культуры, творец или посредник, оказавшийся в положении политика, производителя или потребителя идеологии» («un homme du culturel, créateur ou médiateur, mis en situation d'homme politique, producteur ou consommateur d'idéologie»)^[10, с.10]. Интеллектуал, в общем, и писатель-интеллектуал, в частности, несет ответственность за идейные ценности поколения. Начиная с 1898 г., авторы статей «L'Aurore» регулярно рассуждают о том, что определяет интеллектуала, каковы его моральные ценности и обязанности перед обществом. Поскольку с 1870 г. статьи о России и русских писателях начинают регулярно появляться в более чем 350 специализированных периодических изданиях, посвященных культуре и литературе^[11, т.70, с.162-163], в ряде публикаций русские писатели неизбежно становятся орудием пропаганды.

Упоминание русских писателей и их произведений на страницах «L'Aurore», как правило, по умолчанию, несет в себе идею ангажированности и имеет политическую

окраску. Анализ статей газеты, начиная с 1898 г., позволяет проследить, какую роль отводила социалистическая пресса русским писателям, какое видение русского писателя она имела и как использовала их образ, биографию и творчество для продвижения своей идеологии. Этим объясняется и выборочный интерес газеты: одни русские писатели появляются на ее страницах с завидной регулярностью, другие же упоминаются редко. Выбор делался в пользу авторов, чьи убеждения и заявления соответствовали взглядам, разделяемым в газете, или могли быть оспорены. Ведь именно русская литература «заставила старый свет вздрогнуть от новой волны справедливости и сострадания» («qui a communiqué à notre vieille Europe un frisson nouveau de justice et de pitié») [\[12\]](#).

Основная часть

Образы русских писателей служат « L'Aurore » для пропаганды *идеи бунта* и альтернативного развития общества. Так, с мая по сентябрь 1901 г. в газете публикуются пропагандистские письма «Глас мужика», адресованные молодежи России и подписанные псевдонимом Moujik (Мужик) [\[13-17\]](#). Он призывает не к свержению царя, а к уничтожению царизма, как такового. В поисках поддержки своего гнева со стороны французской публики он несколько раз упоминает, что в возрасте 19 лет Николай II оскорбил память Виктора Гюго, сказав, что не понимает, зачем во Франции организовали национальные похороны человеку, который умер, «как собака» («comme un chien») [\[13,14\]](#). По мнению Мужика, крестьянская реформа 1861 г. была сделана не Александром II, а русскими писателями. Заслуга отмены крепостного права принадлежит А.Н. Радищеву («Путешествие из Петербурга в Москву»), А.И. Герцену, И.С. Тургеневу («Записки охотника»), Н.Г. Чернышевскому. Они «вынудили» царя совершить реформу, хотя от А. Леруа-Болье (1842-1912), автора «Империи царей», историка, в свое время изменившего взгляд французской общественности на Россию, не ускользнуло, что Александр II ввел ряд ключевых ограничений [\[13\]](#). Мужик видит страх царизма перед силой русских писателей, говоря об их участии в России: Д.И. Писарев, брошенный в Петропавловскую крепость в 24 года, и Чернышевский, сосланный в Сибирь в 33 года, были бы живы, если бы избежали произвола со стороны власти. Мужик также упоминает Герцена, Бакунина, Тургенева, Огарева, Лаврова, Кропоткина, нашедших прибежище в Европе [\[16\]](#).

Газете импонирует образ русского писателя как *эталона общественной жертвы*, принесенной перу и правде, влекущей за собой голод, скитание и нищету. Решение быть писателем, по мнению « L'Aurore », это самоотречение, добровольное обречение на страдания, одиночная битва с властью. Если ситуация складывается иначе, то газета ставит под сомнение сам талант, словно гений и бунт неразделимы. Так, в номере за 11 июня 1899 г. автор анонимной заметки выражает сомнение, что Пушкин был отцом русской литературы, как принято говорить в России, называет его «кем-то вроде славянского Байрона» «...une espèce de Byron slave» [\[18\]](#) и уподобляет «Евгения Онегина» «Дон Жуану». Такой нелестный отзыв вызван тем, что, по мнению журналиста, Пушкин с готовностью подчинялся императору и значит, в нем не было ничего героического.

По мнению издания, путь истинного гения выстлан не славой, а лишениями. Ярким примером жертвенности журналистам служит Ф.М. Достоевский и цитата из его письма, в котором он «попрошайничает» («on l'entend mendier») [\[19\]](#) и просит выслать ему денег, объясняя своим друзьям, что больше не может видеть, как его жена Анна голодает.

Данный пример, взятый из « L'Aurore », преследует иную цель: не роптать на судьбу и власть, а возвеличить нужду, критикуя идею литературных премий и, в частности, предложение включить в Римскую премию литературную номинацию. Римская премия имеет долгую историю существования, с 1663 по 1968 гг. Она присуждалась юным художникам, скульпторам, архитекторам и с 1803 г. композиторам. В случае финансового покровительства, лауреат конкурса мог отправиться в Рим на срок от трёх до пяти лет.

Морис Ле Блонд (1877-1944), а вслед за ним и Сэн-Жорж дэ Буэлье (1876-1947), два друга и основателя натюризма, выражают мнение, что в их время сильные мира сего пытаются лишиться независимости юных писателей. Они соблазняют их возможностью писать, но не ради идеи, а ради награды и признания теми, кто эти награды раздает. По мнению авторов, великие умы никогда не нуждались в признании, а тяготы их жизни служили материалом их творений, помогали почувствовать читателям, что они не одиноки в своих страданиях, зажигали пламя надежды в сердцах страждущих. Так, в пафосном порыве Морис Леблон говорит, что в изгнании, а не в роскошном замке Достоевский создавал свои шедевры: «в сердце ужасной сибирской каторги он смог услышать и запомнить трагические стенания человеческого страдания» («au fond des bagnes terribles de la Sibérie, qu'il a pu entendre et retenir les plaintes tragiques de la douleur humaine») [12]. Это воспевание и романтизация боли и лишений творческой личности перекликаются не только с ангажированностью интеллектуала, но и с излюбленным французской культурой образом проклятых поэтов.

Если имя Достоевского появляется на страницах «L'Aurore» как журналистский прием, чтобы описать неопишемое, то фигура Льва Толстого возникает там, где социалистическая газета нуждается в примере *непререкаемого авторитета*. Так, 25 февраля выходит статья в поддержку Э. Золя «Книга, которую следует написать». Обрушиваясь на представителей власти, которые 23 февраля 1898 г. приговорили Э. Золя к тюремному заключению за клевету (ему удалось скрыться в Англии), автор статьи Люсьен Декав (1861-1949), писатель и один из основателей Гонкуровской премии, заканчивает свое послание поучительной, на его взгляд, историей о Толстом. Однажды придворные выразили свое недоумение царю Николаю II тем, что он терпит проповедования и увещевания Льва Толстого, на что царь отвечал: «это апостол.., я не желаю делать из него мученика» («- C'est un apôtre... j'ai pas envie d'en faire un martyr») [20]. По мнению Декава, своими действиями французские власти превратили Золя в мученика.

Очень скоро и сам Толстой высказывается в его защиту. 15 марта 1898 г. « L'Aurore » печатает мнение Толстого, который удивлен тем, что молодое поколение не поддерживает Золя в его протесте против шовинизма и антисемитизма. Позиция Золя, по мнению Толстого, доказывает Европе, что Франция сохраняет признаки цивилизованной страны, и дела там идут не так плохо, как могло казаться [21].

Л.Н. Толстой на страницах «L'Aurore»

Следует сказать, что Лев Толстой – самый упоминаемый русский писатель в газете. Его имя появляется столь часто, что позволяет проследить путь, который прочертили этому великому писателю редакторы социалистической газеты.

Изначально они отводили Льву Толстому роль человека с несоизмеримой сферой влияния на современников, чье слово было способно увлечь за собой массы. Социальная, философская, политическая позиции писателя были выгодны социалистам. В газете то и дело применяются поражающие воображение выражения: «апостол Ясной

поляны» («Apôtre de Yasnaia Poliana») [22], «учитель столь же великий для нас..., как Иисус для христиан» («Maitre aussi grand à nos yeux que... le Christ aux yeux des chrétiens») [20], «единственный истинный император России» («seul véritable empereur de Russie») [Там же] и т. д.

В 1898 г. выходит книга «Мысли Толстого» – сборник высказываний, подготовленный Осипом-Лурье на основе русских текстов писателя [23]. Газета «L'Aurore» освещает это событие. 3 ноября появляется большая статья «Антинационалист» писателя Камиля Моклера (1872-1945), в которой он выражает восторг по поводу идеи Осипа Лурье объединить около 450 мыслей и афоризмов графа Толстого в сборник по цене 50 сантимов, то есть сделать его доступным для широких масс [24]. Моклер отмечает, что книга позволяет увидеть эволюцию Толстого от романиста до моралиста и апостола, и говорит о необходимости ее внедрения в образовательный процесс. Автор указывает на универсальность личного роста и философии Толстого, которые будут понятны и полезны каждому. Моклер называет Толстого человеком, преданным идеалам демократии, прошедшим путь от элитарности до возвышенной простоты. Однако, если верить Моклеру, то правая пресса считает иначе: вместо того, чтобы говорить о его личностном росте и мудрости, пришедшей с годами, они склонны рассуждать о «печальном угасании старца» («une regrettable défaillance de vieillard») [24, с.2] и злословить о его чрезмерном увлечении религией. Подобный упрек уже возникал раньше и был направлен в адрес Эжена Мельхиора де Вогюэ (1848-1910), бывшего дипломата, члена Французской академии и популяризатора русской литературы во Франции, чье происхождение и правые взгляды вызвали острое неприятие газеты. В номере за 4 ноября 1897 г. автор заметки Декагон называет Вогюэ «какадемиком», который представил Льва Толстого «цивилизованному миру не как гения, а как графа» («Ce académicien... au monde civilisé, non comme un génie, mais comme un comte!») [25].

На новость об отлучении Толстого от церкви в феврале 1901 г. «L'Aurore» отвечает рядом статей в поддержку писателя, вновь осуждая российскую власть и подкрепляя свою точку зрения информацией о студенческих протестах на родине писателя в ответ на решение Святого Синода [26].

13 сентября 1901 г. редактор газеты Урбен Гойе публикует статью «Виват, Толстой!». Этот возглас толпы, согласно изданию, слышит Николай II во время своего визита во Францию в начале осени (четырёхдневное пребывание императора и его супруги в Париже было предназначено армии и флоту, в частности, морскому смотру в Дюнкерке). На тот момент именно этот призыв символизирует революционное движение в России и прогресс. Гойе подмечает, что даже сам Толстой уже не властен над силой своего влияния: «Зачем восклицать при виде Николая: «Долой тирана! Долой виселицы! Долой кнут!» В имени Толстого, брошенном в лицо царю, заключен тот же смысл» («A quoi bon crier, sur le passage de Nicolas : « A bas le tyran ! à bas les potences ! à bas le knout ! » Le nom de Tolstoï, jeté au tsar, a le même sens») [27]. Газета довольно часто предпочитает видеть в Толстом символ социалистической и революционной пропаганды. Вместе с тем, неизбежно, это желание противоречит самой философии Толстого.

От восхваления идей «апостола Ясной поляны» в конце XIX в., с началом XX в. газета переходит к открытой критике его мировоззрения. Это связано с неприятием Толстым социализма, о котором говорят во Франции. Ромен Роллан упоминает, что русский писатель называет социалистов-интеллектуалов худшими из сторонников движения, которые любят не людей, а лишь свои идеи [28]. В статье «Толстовство» [29] от 26 марта

1901 г. редактор газеты Урбен Гойе обрушивается на Толстого уже не с литературным, но общественным осуждением, упрекая его в пропаганде бездействия, невмешательства, отступничества. Безусловно, идеи ненасильственного сопротивления, пацифистская идеология Толстого противоречат целям издания, а его нелюбовь к социалистам вынуждает последних отречься от его учений. Они намерены отвратить читателей «L'Aurore» от идей писателя, пытаясь разрушить ореол, который оппозиционное сообщество раньше само создавало вокруг Толстого.

Гойе называет Толстого ложным апостолом, который сбивает революционно настроенных людей с истинного пути. Ложным потому, что, будучи великим писателем, согласно Гойе, Толстой мастерски описывает страдание, чем увлекает за собой страждущих, но конечная цель Толстого отвращает Гойе: он использует свой гений, чтобы призвать толпу к смирению и ожиданию воздаяния в иной жизни. Для автора статьи Толстой сродни церкви, так как его философия находится в услужении сильных мира сего, помогает им управлять людьми и умирять массы. Тем не менее, Гойе предпочитает обобщения, избегая прямого обращения к Толстому: «Человек, который отвращает рабов от того, чтобы собраться вместе, вооружиться, действовать – это либо трус, либо предатель: трус хочет скрыть свою трусость за красивыми словами, а предателю платят за свою безопасность хозяева» («L'homme qui détourne les esclaves de s'organiser, de s'armer, d'agir, est un lâche ou un traître : un lâche qui veut couvrir sa lâcheté de beaux prétextes ; ou bien un traître paye pour procurer aux maîtres de sécurité») [29].

Все новые заявления Толстого настраивают газету против мыслителя. Например, отвечая на просьбу журналистов разных стран (телеграммы, письма, личные встречи) высказаться по поводу Кровавого воскресения 9 января 1905 г., которое писатель охарактеризовал как «петербургское злодеяние», Толстой сказал им то же самое [11, т. 89, с. 111], что он написал в статье «Об общественном движении» [11, т. 36, с. 156-165]. Он отрицает возможность революционного бунта, считая, что русский народ понимает революцию иначе и слишком беден, чтобы вооружаться. По его мнению, лишь небольшая часть населения желает восстания, а изменения в стране пройдут путем реформ, перемены нравов и расцвета религиозного духа [20]. Ответная реакция не заставляет себя ждать. Уже 11 февраля Александр Улар (1876-1919), специалист по истории России, обращается к Толстому с главным упреком: «Толстого как человека мы просили: «Говорите, обучайте нас», Толстому же апостолу следует сказать: «Замолчите, дайте будущему говорить»» («A Tolstoï, homme on a dit : " Parlez, instruisez-nous. " A Tolstoï, apôtre il faut dire... : " Faites silence, laissez parler l'avenir"») [30]. Согласно Улару и другим изданиям социалистического толка, в течение полувека Толстой вел за собой угнетаемые классы общества, выступал против социальной несправедливости, побуждал их к борьбе за права. Когда без видимой, а точнее, неугодной социалистам логике Толстой стал осуждать освободительные действия масс и призывать к непротивлению, когда он стал упрекать либеральное движение в том, что оно оторвано от народа и не обещает крестьянам право на землю [31], «L'Aurore» обвинила его в «литературном снобизме» и отказалась понимать и принимать Толстого, осуждающего революцию и идеологию бунта.

Сэн-Жорж де Буэлье в статье «О Толстом» от 19 января 1908 г. [32] вновь критикует писателя. Он говорит, что Толстой не мессия, не реформатор и не защитник бедных. Он избирает очерняющий тон, характеризуя все творчество и убеждения Толстого как искусственные, лицемерные и лишенные глубокого смысла. Согласно де Буэлье, в романах писателя ощущаются «беспрестанные моральные искания, но всегда без

единого проблеска» («il y a des intentions morales incessantes, mais jamais un vif éclair»)^[32]; тот факт, что Толстой не любит и не хочет прикасаться к деньгам, вовсе не означает, что он отказывается от благ, которые обеспечивает ему его доход. Для укрепления своей разоблачающей позиции автору статьи необходим другой авторитет, и он находит его в лице Достоевского. И вновь тяжелая судьба Достоевского служит журналистскому слогу. Де Буэлье сравнивает двух великих русских писателей, забывая об их главном ремесле и говоря, что, в отличие от Толстого, Достоевский всю свою жизнь страдал за свои убеждения и является настоящим мучеником. В учениях Толстого о религии и о Христе де Буэлье не видит откровения, а обещанная писателем правда оборачивается давно известными догмами, переписанными на новый лад, от них веет холодом и отстранённостью. Согласно автору статьи, мастерски графу Толстому даются лишь описания жизни светского общества, которая ему хорошо знакома, но не чуждого ему бедного сословия. Он отодвигает Толстого на второй план, выводя вперед Гоголя, Пушкина и Достоевского, называя их истинными новаторами, без которых русская литература не стала бы тем, чем она является. Автор статьи заявляет, что Толстой не любит и не понимает Христа, его видение Христа представляется ограниченным, что Достоевский раньше и глубже Толстого наполняет свое творчество любовью к Христу. Де Буэлье в своем уничижительном разборе, не смущаясь, задается вопросом: «А вообще, является ли он мыслителем?» («Au fait, est-il un penseur?») [Там же].

Таким образом, на страницах « L'Aurore » Толстой прошел путь от благоговейного преклонения и сравнения с Христом и Моисеем до обвинения в лицемерии, потакании властям, присвоения ярлыка ложного пророка. Столь часто упоминаемое прежде имя Толстого все реже появляется в газете. Если в сентябре 1898 г. газета пестрит заметками о праздновании 70-летия дня рождения Толстого в России и Европе, печатаются поздравительные письма изданий из России и Франции, говорится о том, что Толстой вдохновил Николая II на рескрипт о разоружении и мире^[33], то новость о смерти великого писателя занимает скромное место на третьей странице газеты от 21 ноября 1910 г. В заметке описаны последние часы жизни русского писателя и последние слова, произнесенные им в сознании после последнего приступа: «Миллионы людей страдают на этой земле, почему же вы, безумцы, находитесь здесь и занимаетесь мною одним?» («Il y a sur la terre des millions d'hommes qui souffrent ; pourquoi êtes-vous là fous, à vous occuper de moi seul?») ^[32]. Согласно А. Л. Толстой и другим свидетелям, тон этой фразы был иной, чем представленный газетой, он был преисполнен не гневом, а религиозным увещанием: «Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва»^[34]. Смерть великого классика и его наследие не получают широкого освещения в последующих номерах « L'Aurore », как можно было ожидать. Социалистическая газета предаёт Толстого забвению.

Максим Горький и социалистическая пресса

Если Лев Толстой удерживает лидерство по числу упоминаний в «L'Aurore», то второе место принадлежит Максиму Горькому. Особое положение Толстого и Горького находит лишнее подтверждение, когда в ноябре 1908 г. газета запускает рекламу продажи гравюр с изображением известных личностей. Список имен состоит преимущественно из французских деятелей (Эмиль Золя, Клемансо, Вальдек-Руссо, Анатоль Франс, Октав Мирбо, Марселен Бертело, Дюкло, Огюст Бланки, Эмиль Комб) за исключением двух иностранных представителей: Льва Толстого и Максима Горького, что подтверждает их популярность в социалистической среде.

1 марта 1902 г. на первой полосе выходит большая статья журналиста и политического деятеля Франсиса де Прессансэ (1853-1914) «Все России», где он говорит об оторванности власти Российской империи от корней ее народа, который не может внять голосу Толстого и Достоевского. Он рассуждает о загадочной славянской душе, о том, что теперь это понятие «загадочности» используется для пропаганды национализма. По мнению автора, это необъяснимое кроется в том, что Россия всегда имела революционный, идеалистический порыв, возможно, благодаря особому темпераменту или из-за стечения исторических событий: «славянский дух стихия и неуемна до неистовства. Ему знакомы резкие и трагические контрасты, неожиданные решения, внезапные смены активных действий немощью, героизма трусостью, яростные метания от скептицизма к дилетантизму, еще более опасные из-за безудержного запала» «...l'âme slave est spontanément insatiable, ardente, Presque forcenée. Elle connaît les brusques et tragiques contrastes, les déclics de résolution, les chutes soudaines de l'intense au mou, de l'héroïque au lâche, les retours offensifs du scepticisme ou du dilettantisme, plus mortel encore en pleine ferveur d'action» [36]. Современную ему Россию он сравнивает со спящим Гулливером, скованным лилипутами, и отмечает, что именно русская литература несет на себе отпечаток этой болезненной муки «...la Russie, ce géant couché dans les ténèbres et auquel, comme les Lilliputiens à Gulliver, une troupe fourmillante de nains ont mis des liens. Il est remarquable, encore que naturel, que la littérature russe, plus que celle d'un peuple libre, porte la marque, l'empreinte uniforme et invariable de cette douloureuse angoisse» [Там же]. Для Прессансэ произведения «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» Толстого, «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского, «С того берега» Герцена, «Новь» Тургенева, «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова роднит одно и то же страдание, страстное и смутное чаяние.

Чувствуя нестабильный дух времени, Ф. де Прессансэ настаивает на том, что новое читающее поколение России нуждается в новой литературной форме. По его мнению, писатели, черпая вдохновение из народной культуры, часто не находят золотой середины, попадая под ярмо академизма или уходя в сторону вульгарности, порнографии, жеманства. В его словах ощущается надежда, что новое произведение пробудит массы и поможет им осознать свою мощь и поднять революционный пыл. Не случайно, в связи с общим социалистическим призывом статьи, возникает имя Максима Горького. Именно на него автор возлагает основные надежды в идейной эволюции русского романа. Если правая пресса смотрела на Горького с любопытством, то для газет левого толка он становится обличителем, литературным борцом за их идеи: «Я не знаю, выразил ли кто-то сильнее, с реализмом более символичным, со столь правдивой поэтичностью то самое отсутствие равновесия, то головокружение, то состояние духа народа позднего средневековья перед лицом проблем двадцатого века, чем Максим Горький в своих рассказах и двух грандиозных романах: «Фома Гордеев» и «Трое». У этого писателя есть дар» «Je ne sais si personne a rendu plus fortement, avec un réalisme plus splendidement symbolique et une poésie plus âprement exacte ce déséquilibre, ce vertige, cet état d'âme d'un peuple du haut moyen âge aux prises avec les problèmes du vingtième siècle, que Maxime Gorki dans ses nouvelles et dans ses deux puissants romans : Thomas Gordeief et Les Trois. Cet écrivain a le don» [Там же]. По мнению автора статьи, власти испытывают страх перед величием его духа, освободительной силой гения. Во всех этих словах чувствуется надежда на перемены в царской России, возлагаемая социалистами Франции, в частности, на Горького.

8 мая 1905 г. « L'Aurore » публикует статью без подписи под заголовком «Максим Горький» [37]. Основой статьи является исследование творчества писателя А.М.

Аничковой (псевдоним Иван Странник), одной из первых переводчиц рассказов писателя, вошедших в сборник «Бродяги» [38]. Последовательно рассказывается о непростом детстве и юности писателя, прошедшими в тяжелом труде, бедности, скитаниях и тяге к прекрасному, о его первых литературных публикациях. Автор статьи определяет стиль Горького, как «поэму бродяжничества» («le poème du vagabondage»), написанную бродягой, жившим в окружении бродяг. Согласно статье, интерес рассказов Горького заключается не в развитии интриги, а в описании фрагментов жизни, нравов, психологии деклассированных элементов. Главное отличие Горького от литературной традиции его предшественников, которые изображали низшие классы в России, заключается в том, что в прошлом подобные персонажи были беспомощны и представлялись жалкими существами. Персонажи Горького, будучи мечтателями, философами, мыслителями, как правило, неудовлетворенными реальным положением общественного устройства, впервые несут в себе угрозу устоям. Они демонстрируют усталость от извечных разговоров о добре и зле. На смену пустой болтовне приходит жажда действия.

Заключение

Исследуемый материал демонстрирует безусловное внимание со стороны западной левой прессы рубежа веков к образам русских писателей. Главным посылом обращения прессы к их именам являлось утверждение социалистических идеалов и идеи ангажированности писателя, его единения с народом и противостояния власти. Толстой, Достоевский, Горький и др. и их произведения возникали на страницах газеты, чтобы утвердить антимилитаризм и антинационализм, обрушиться на царизм в России и призывать к революционному бунту. Творчество русских писателей и его интерпретация в газете левого толка естественным образом разнится с правой, на что не раз указывают и сами авторы статей. Они освещают иные факты. В итоге, личности писателей, их идеи и убеждения, интерпретация социального посыла произведений интересуют журналистов больше, чем их творческие достижения.

Помимо прочего, не стоит забывать, что подзаголовок газеты «L'Aurore» – «литературная, художественная, социальная газета». Литературная тема значится первой, но часто играет второстепенную роль в поддержании и продвижении идеологии. Это очевидное наблюдение показывает зарождающуюся власть слова и пропаганды в средствах массовой информации. Вместе с тем, пресса рубежа веков демонстрирует ушедшую сегодня в прошлое значимость фигуры писателя-пророка, писателя-правдоруба, писателя-историка и его власти над умами, о которой не раз упоминается в «L'Aurore», например, в связи с Львом Толстым. Неоспоримым становится влияние литературы и искусства на общественное мнение того времени, их значимость в формировании базы, ответственной за информативное поле той или иной социальной группы, их применение в социальной борьбе, в которой русские писатели находятся на особом положении.

Библиография

1. Bellet, R. (1967). *Presse et journalisme sous le Second Empire*. P.: Armand Colin. Белле Р. Пресса и журналистика во времена Второй Империи. Париж: Арман Колин, 1967.
2. Charle, Ch. (2004). *Le siècle de la presse: 1830-1939*. P. : Seuil. Шарль К. Век прессы: 1830-1939 гг. Париж: Порог, 2004.
3. Kalifa, D., Régnier, Ph., Thérenty, M.-È. & Vaillant, A. (2011). *La civilisation du journal. Histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIXe siècle*. P. : Nouveau Monde éditions. Калифа Д., Ренье Ф., Терентий М.-И., Вайян А. Газетная цивилизация.

Культурная и литературная история французской прессы в XIX веке. Париж: Издания нового света, 2011.

4. Taveaux-Grandpierre, K. (2011). De la transformation de la presse en industrie culturelle par la diffusion. *Communication & Langages*, 130, 86-99. Таво-Грандпьер К. О превращении прессы в индустрию культуры посредством распространения // Коммуникация и языки. 2001. № 130. С. 86-99. URL: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_2001_num_130_1_3111.
5. Zola E. (13 janvier 1898). J'accuse...! *L'Aurore*, 87, 1. Золя Э. Я обвиняю...! // Заря. 13 января 1898. № 87. С. 1.
6. La protestation (14 janvier 1898). *L'Aurore*, 88, 1. Протест // Заря. 14 января 1898. № 88. С. 1.
7. Clemenceau, G. (22 janvier 1898). A la dérive. *L'Aurore*, 97, 1. Клемансо Ж. Дрейфующий // Заря. 22 января 1898. № 97. С. 1.
8. Barres, M. (1 février 1898). La protestation des intellectuels. *Le Journal*, 1953, 1. Баррес М. Протест интеллектуалов // Газета. 1 февраля 1898. № 1953. С. 1.
9. Гальцова Е.Д., Фокин С.Л., Волчек О.Е., Балакирева М.Е., Минасян С.В. (2024). Из истории российско-французских литературных взаимодействий рубежа XIX-XX веков: Тургенев, Достоевский, Бакунин и декаданс, анархизм, социальный дарвинизм // *Новые российские гуманитарные исследования*. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2283>
10. Ory, P. & Sirinelli, J.-F. (2002). *Les intellectuels en France. De l'affaire de Dreyfus à nos jours*. P.: Armand Colin. Ори П., Сиринелли Ж.-Ф. Интеллектуалы во Франции. От дела Дрейфуса до наших дней. Париж: Арман Колин, 2002.
11. Толстой Л.Н. (2024). Полное собрание сочинений. URL: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/>.
12. Le Blond, M. (7 février 1904). Le prix de Rome des écrivains. *L'Aurore*, 2302, 2. Ле Blond М. Римская премия писателей // Заря. 7 февраля 1904. № 2302. С. 2.
13. Moujik (12 mai 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1301, 1. Мужик. Голос мужика // Заря. 12 мая 1901. № 1301. С. 1.
14. Moujik (18 mai 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1307, 1. Мужик. Голос мужика // Заря. 18 мая 1901. № 1307. С. 1.
15. Moujik (22 septembre 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1434, 2. Мужик. Голос мужика // Заря. 22 сентября 1901. № 1434. С. 1.
16. Moujik (3 juin 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1323, 1. Мужик. Голос мужика // Заря. 3 июня 1901. № 1323. С. 1.
17. Moujik (14 mai 1901). La Voix d'un moujik. Lettre XIII (1). *L'Aurore*, 1395, 2. Мужик. Голос мужика. Письмо XIII (1) // Заря. 14 мая 1901. № 1395. С. 2.
18. Pouchkine (11 juin 1899). *L'Aurore*, 601, 2. Пушкин // Заря. 11 июня 1899. № 601. С. 2.
19. Bouhelier, S.-G. de. (25 juin 1906). Lettre à un jeune poète qui sollicite le Prix de Rome. *L'Aurore*, 3171, 1-2. Бухелье С.-Ж. де. Письмо молодому поэту, претендующему на Римскую премию // Заря. 25 июня 1906. № 3171. С. 1-2.
20. Descaves, L. (25 février 1898). Le livre à faire. *L'Aurore*, 130, 1. Дескавес Л. Книга, которую нужно сделать // Заря. 25 февраля 1898. № 130. С. 1.
21. L'Opinion de Tolstoï sur l'acte de Zola (15 mars 1898). *L'Aurore*, 148, 1. Мнение Толстого о поступке Золя // Заря. 15 марта 1898. № 148. С. 1.
22. Ça et là (12 octobre 1898). *L'Aurore*, 359, 1. То и это // Заря. 12 октября 1898. № 359. С. 1.
23. *Pensées de Tolstoï d'après les textes russes par Ossip-Lourié* (1898). P. : Felix Alcan. Мысли Толстого по русским текстам Осип-Лурье. Париж: Феликс Алкан, 1898.
24. Mauclair, C. (3 novembre 1898). Un antinationaliste. *L'Aurore*, 381, 1-2. Маклер К.

- Антинационалист // Заря. 3 ноября 1898. № 381. С. 1-2.
25. Décagone. Cartes postales (4 novembre 1897). *L'Aurore*, 17,1. Десятиугольник.
- Открытки // Заря. 4 ноября 1897. № 17. С. 1.
26. La Révolte en Russie (20 mars 1901). *L'Aurore*, 1248, 2. Восстание в России // Заря. 20 марта 1901. № 1248. С. 2.
27. Gohier, U. (13 septembre 1901). Vive Tolstoï ! *L'Aurore*, 1425, 1. Годье У. Да здравствует Толстой! // Заря. 13 сентября 1901. № 1425. С. 1.
28. Rolland, R. (1921). Les idées sociales de Tolstoï / *Vie de Tolstoï*. P. : Hachette, 156-174. Роллан Р. Социальные идеи Толстого / Жизнь Толстого. Париж: Хашетт, 1921. С. 156-174.
29. Gohier, U. (26 mars 1901). Tolstoïsme. *L'Aurore*, 1254, 1. Годье У. Толстовство // Заря. 26 марта 1901. № 1254. С. 1.
30. Ular, A. (11 février 1905). Tolstoï. *L'Aurore*, 2672, 1. Улар А. Толстой // Заря. 11 февраля 1905. № 2672. С. 1.
31. Un article de Tolstoï (12 mars 1905). *L'Aurore*, 2771, 2. Статья Толстого // Заря. 12 марта 1905. № 2771. С. 2.
32. Bouhelier, S.-G. de. (19 janvier 1908). Sur Tolstoï. *L'Aurore*, 3740, 1. Бухелье С.-Ж. де. О Толстом // Заря. 19 января 1908. № 3740. С. 1.
33. Tolstoï (9 septembre 1898). *L'Aurore*, 326, 2. Толстой // Заря. 9 сентября 1898. № 326. С. 2.
34. La mort de Tolstoï (21 novembre 1910). *L'Aurore*, 4760, 3. Смерть Толстого // Заря. 21 ноября 1910. № 4760. С. 3.
35. Гусев Н.Н. (2024). Какие были последние слова Л.Н. Толстого. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/gusev-poslednie-slova-tolstogo.htm>
36. Pressensé de, F. (1 mars 1902). Toutes les Russies. *L'Aurore*, 1754, 1. Прессенс Ф. де. Вся Россия // Заря. 1 марта 1902. № 1754. С. 1.
37. Maxime Gorki (8 mai 1905). *L'Aurore*, 2758, 1-2. Максим Горький // Заря. 8 мая 1905. № 2758. С. 1-2.
38. *Gorki Maxime (1901). Les Vagabonds / Traduction et préface par Ivan Strannik*. P.: Société du «Mercure de France». Горький, Максим. Странники / перевод и предисловие Ивана Странника. Париж: Общество «Французский Меркурий», 1901.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи исторически оправдан. Автор обращает внимание на роль / значимость русских писателей во французской прессе рубежа XIX – XX веков. Таким образом, статья имеет синкретически конструктивный характер, так как исследователь затрагивает грани истории, литературы, философии, политики. В начале труда отмечено, что «анализ статей газеты «L'Aurore», начиная с 1898 г., позволяет проследить, какую роль отводила социалистическая пресса русским писателям, какое видение русского писателя она имела и как использовала их образ, биографию и творчество для продвижения своей идеологии. Этим объясняется и выборочный интерес газеты: одни русские писатели появляются на ее страницах с завидной регулярностью, другие же упоминаются редко. Выбор делался в пользу авторов, чьи убеждения и заявления соответствовали взглядам, разделяемым в газете, или могли быть оспорены». Считаю, что подобный извод уместен, выкладка вполне объективна. Высказывания по ходу работы точны, информативны, целостны: например, «Образы русских писателей

служат « L'Aurore » для пропаганды идеи бунта и альтернативного развития общества. Так, с мая по сентябрь 1901 г. в газете публикуются пропагандистские письма «Глас мужика», адресованные молодежи России и подписанные псевдонимом Moujik (Мужик) [13-17]. Он призывает не к свержению царя, а к уничтожению царизма, как такового. В поисках поддержки своего гнева со стороны французской публики он несколько раз упоминает, что в возрасте 19 лет Николай II оскорбил память Виктора Гюго, сказав, что не понимает, зачем во Франции организовали национальные похороны человеку, который умер, «как собака» («comme un chien»), или «Газете импонирует образ русского писателя как эталона общественной жертвы, принесенной перу и правде, влекущей за собой голод, скитание и нищету. Решение быть писателем, по мнению « L'Aurore », это самоотречение, добровольное обречение на страдания, одиночная битва с властью. Если ситуация складывается иначе, то газета ставит под сомнение сам талант, словно гений и бунт неразделимы. Так, в номере за 11 июня 1899 г. автор анонимной заметки выражает сомнение, что Пушкин был отцом русской литературы, как принято говорить в России, называет его «кем-то вроде славянского Байрона» «...une espèce de Byron slave» [18] и уподобляет «Евгения Онегина» «Дон Жуану» и т.д. Цитации, ссылки даются в режиме требований издания, серьезная правка излишня. Методология исследования ориентирована на системно-аналитический тип. Фактор обобщения имеющихся данных наличен; раскрытие темы идет в режиме ступенчатого хода. Акцентно в работе сделана остановка на следующем персонифицированном ряде русских писателей, который упоминается в «L'Aurore» - это Лев Толстой, Максим Горький. Позиционность указанных автором проанализирована достаточно объемно, предел объективности учтен. Например, «Следует сказать, что Лев Толстой – самый упоминаемый русский писатель в газете. Его имя появляется столь часто, что позволяет проследить путь, который прочертили этому великому писателю редакторы социалистической газеты», или «13 сентября 1901 г. редактор газеты Урбен Гойе публикует статью «Виват, Толстой!». Этот возглас толпы, согласно изданию, слышит Николай II во время своего визита во Францию в начале осени (четырёхдневное пребывание императора и его супруги в Париже было предназначено армии и флоту, в частности, морскому смотру в Дюнкерке). На тот момент именно этот призыв символизирует революционное движение в России и прогресс», или «8 мая 1905 г. « L'Aurore » публикует статью без подписи под заголовком «Максим Горький» [37]. Основой статьи является исследование творчества писателя А.М. Аничковой (псевдоним Иван Странник), одной из первых переводчиц рассказов писателя, вошедших в сборник «Бродяги» [38]. Последовательно рассказывается о непростом детстве и юности писателя, прошедшими в тяжелом труде, бедности, скитаниях и тяге к прекрасному, о его первых литературных публикациях» и т.д. Таким образом, можно обозначить, что тема работы по большому счету раскрыта, поставленная цель достигнута. Автор приходит к выводу, что «творчество русских писателей и его интерпретация в газете левого толка естественным образом разнится с правой, на что не раз указывают и сами авторы статей. Они освещают иные факты. В итоге, личности писателей, их идеи и убеждения, интерпретация социального посыла произведений интересуют журналистов больше, чем их творческие достижения», «Помимо прочего, не стоит забывать, что подзаголовок газеты «L'Aurore» – «литературная, художественная, социальная газета». Литературная тема значится первой, но часто играет второстепенную роль в поддержании и продвижении идеологии. Это очевидное наблюдение показывает зарождающуюся власть слова и пропаганды в средствах массовой информации». Список источников объемов, фактические составляющие учтены. Материал может быть использован при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore» к открытой публикации в

журнале «Litera».